

ГЛЕБ МОРЕВ

Осип Мандельштам

в двадцатые—тридцатые годы

18+

Азбука. Голоса

Глеб Морев

Осип Мандельштам в двадцатые–тридцатые годы

«Азбука»
2026

УДК 82
ББК 83(2Рос-Рус)

Морев Г. А.

Осип Мандельштам в двадцатые–тридцатые годы / Г. А. Морев — «Азбука», 2026 — (Азбука. Голоса)

ISBN 978-5-389-35718-1

Есть образ Мандельштама, знакомый каждому: бескомпромиссный поэт-мученик, автор самоубийственного стихотворения «Мы живем, под собою не чуя страны…», человек, погибший в лагере. Этот образ создала – во многом сознательно и художественно блестяще – вдова поэта Надежда Мандельштам в легендарных мемуарных книгах. Он стал символом, идеологической иконой, точкой опоры для многих поколений читателей. Книга Глеба Морева – попытка увидеть за этой иконой живого, противоречивого человека, стремившегося выжить и быть услышанным. Опираясь на архивные документы, следственные дела, письма и дневники современников, автор показывает Мандельштама, которого литературоведение предпочитало не замечать: поэта, годами и совершенно искренне пытавшегося встроиться в советскую систему. Здесь есть скандалы, доносы, закулисная борьба за место под солнцем советской литературы и отчаянные попытки не быть выброшенным на обочину – все то, что плохо укладывается в образ несгибаемого мученика. Книга читается как детектив: каждая глава – это распутывание очередного клубка полуправд, легенд и умолчаний, копившихся вокруг имени поэта почти полвека.

УДК 82
ББК 83(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-389-35718-1

© Морев Г. А., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Предисловие 8
Осип Мандельштам в двадцатые-тридцатые годы 13
1 13
2 14
3 16
4 21
5 26
6 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Глеб Алексеевич Морев
Осип Мандельштам в двадцатые-тридцатые годы

© Г. А. Морев, 2026
© Оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Азбука Голоса

ГЛЕБ МОРЕВ

Осип Мандельштам в двадцатые—тридцатые годы

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Себя губя, себе противореча…
К немецкой речи, 1932

Предисловие

В 1975 году декабрьский выпуск американского славистического ежеквартальника Slavic Review открывала сенсационная публикация ранее неизвестного текста Мандельштама – «Стихов о Сталине», его так называемой «Оды», написанных в начале 1937 года[1].

О существовании неких стихов Мандельштама, «где он хвалит Сталина», впервые упоминается в воспоминаниях Анны Ахматовой, опубликованных в Нью-Йорке в 1965 году[2]. Ахматова цитировала одну строку из этих стихов («Мне хочется сказать не Сталин – Джугашвили») и датировала их предположительно 1935 годом. Появление такого рода стихотворения у Мандельштама Ахматова объясняла сказанными ей словами поэта: «Я теперь понимаю, что это была болезнь»[3].

В декабре 1967 года в Slavic Review появилась обширная статья Кларенса Брауна, одного из первых славистов, занявшихся творчеством Мандельштама. Она была посвящена вопросу о существовании текста, восхваляющего Сталина (Браун впервые печатно назвал его «одой»), и контексту окружающих его воронежских стихов 1937 года. С 1965 года Браун был вхож в московский дом Н. Я. Мандельштам и был одним из ее доверенных лиц. В конце 1965 года он переправил на Запад рукопись первой книги ее мемуаров. «Воспоминания» Надежды Яковлевны (еще до их публикации в 1970 году) и разговоры с ней стали для Брауна источником сведений об «оде» (это жанровое определение он, несомненно, позаимствовал из одноименной главы «Воспоминаний»). Как стало понятно после публикации аудиозаписей разговоров Брауна с Н. Я. Мандельштам, состоявшихся весной 1966 года[4], именно беседы с вдовой поэта полностью определили канву опубликованного в Slavic Review в 1967-м исследования. Остается открытым вопрос, знал ли Браун полный текст «Стихов о Сталине» к этому моменту: в статье он цитирует из них четыре строки, называет их отдельным стихотворением и не приводит авторского названия текста[5]. Мотивы его (предположительного, как следует из статьи Брауна) создания освещались им в полном соответствии с версией, предложенной ранее Ахматовой и содержавшейся в доступной ему рукописи «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам, – стихотворение, название которого не было указано, трактовалось как вынужденная попытка поэта спасти свою жизнь; попытки этой он впоследствии стыдился.

В статье Браун проблематизировал уместность обращения к «Оде» на фоне только что сложившейся репутации Мандельштама как «единственного русского поэта, чудом оставшегося отчужденным от советской реальности» и обладавшего «уникальной способностью противостоять искушению [режимом], которому поддались буквально все – включая Ахматову и Пастернака – [советские] писатели»[6]. Даже если «Ода» и существует, написанный под давлением текст, по мысли Брауна, очевидным образом не может служить противовесом имевшемуся ко второй половине 1960-х годов корпусу уже опубликованных стихотворений Мандельштама, легшему в основу вышеприведенной характеристики поэта. В целом статья Брауна выглядит сегодня как упреждающий неизбежное появление «Стихов о Сталине» жест, призванный нейтрализовать эффект от будущей публикации текста. Заметим, что такая тактика

---

[1] Mandelstam's "Ode" to Stalin // Slavic Review. 1975. Vol. 34. № 4. P. 683–691.

[2] *Ахматова А.* Мандельштам. (Листки из дневника) // Воздушные пути: Альманах / Ред.-изд. Р. Н. Гринберг. Нью-Йорк, 1965. [Вып.] IV. С. 38.

[3] Там же.

[4] *Браун К.* Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней / Пер. с англ. В. Литвинова, коммент. В. Литвинова, П. Нерлера, предисл. П. Нерлера // «Посмотрим, кто кого переупрямит…»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. М. Нерлер. М., 2015. С. 451–454.

[5] *Brown C.* Into the Heart of Darkness: Mandelstam's Ode to Stalin // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 594.

[6] Ibid. P. 603.

целиком соответствует тактике Н. Я. Мандельштам, направленной обычно на «превентивное» устранение «опасностей», связанных с появлением неподконтрольной ей информации о покойном муже, а характеристика Мандельштама как уникального в своей бескомпромиссности противника советского режима знаменательным образом *дословно* совпадает с характеристикой, данной Мандельштаму в рукописных заметках В. Т. Шаламова, относящихся к тому же, что и публикация Брауна, периоду (1966 год). Шаламов описывает Мандельштама как

> ⟨…⟩ представителя той культуры, которая ничего не уступила, не склонила головы, не поддалась провокациям и соблазнам.
>
> И у Пастернака, и у Цветаевой, и у Ахматовой были уступки, отступления под нажимом этой грубой силы. Были принесены напрасные жертвы, только унизившие этих поэтов.
>
> Мандельштам же готовился к смерти. И умер. ⟨…⟩ У Мандельштама не было компромисса ⟨…⟩[7]

Очевидно, что заметки Шаламова имеют тот же источник, что и статья Брауна, – разговоры с Н. Я. Мандельштам, активно утверждавшей в середине 1960-х образ Мандельштама как последовательного борца со сталинским режимом.

После выхода на Западе «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам ситуация стала еще более противоречивой. С одной стороны, из главы «Ода» весь мир узнал о ее решении не скрывать факт написания Мандельштамом посвященного Сталину стихотворения. С другой – сам текст этого стихотворения (и его название) по-прежнему оставались неизвестными. С декабрьской публикацией Slavic Review 1975 года положение изменилось.

Через несколько месяцев после публикации «Стихов о Сталине» в Америке этот же текст Мандельштама увидел свет в шведском ежегоднике Scando-Slavica в составе публикации Бенгта Янгфельдта «Osip Mandel'štam's Ode to Stalin»[8]. По сравнению с первой публикацией текст Scando-Slavica был более полным[9]. Однако ни американская публикация (которая вообще была анонимной), ни шведская не сопровождались какой-либо ссылкой на источник текста. Эти нетипичные для академической эдиционной практики детали многое объясняют в не лишенной драматизма истории рецепции мандельштамовского наследия.

Анонимными авторами предисловия и публикаторами «Стихов о Сталине» в Slavic Review были американские слависты Роберт П. Хьюз и Джон Мальмстад. Текст был получен ими от их коллеги Уильяма М. Тодда, который получил его от Г. Г. Шмакова[10]. (Нам представляется наиболее вероятным, что Шмаков, в свою очередь, получил текст от Л. Я. Гинзбург[11].) В

---

[7] Цит. по: *Тун-Хоэнштайн Ф.* Писать жизнь: Варлам Шаламов. Биография и поэтика / Пер. с нем. М. Кореневой. СПб., 2025. С. 379 (с уточнением по автографу, за возможность ознакомиться с которым благодарим Ф. Тун-Хоэнштайн). Одна из фраз Шаламова является пересказом слов Мандельштама («Я к смерти готов»), ставших известными из воспоминаний Ахматовой (подробнее см. наст. изд., с. 176).

[8] *Jangfeldt B.* Osip Mandel'štam's Ode to Stalin // Scando-Slavica. 1976. Vol. 22. № 1. P. 35–41. Параллельно фрагмент «Стихов о Сталине» был опубликован в книге К. Ф. Тарановского «Essays on Mandelstam» (Cambridge, Mass.; London, 1976. P. 113). По сообщению Ю. Л. Фрейдина, Тарановский получил копию «Стихов о Сталине» от него, с разрешения Н. Я. Мандельштам; другим источником текста был Н. И. Харджиев (подробнее см.: *Морев Г.* «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама: Археографический контекст и восстановление текста // Новый мир. 2022. № 5. С. 164–178).

[9] В публикации Slavic Review отсутствовали в целом семь строк «Стихов о Сталине», в Scando-Slavica – одна.

[10] Приносим живейшую благодарность И. А. Паперно, способствовавшей выяснению этого факта. Сообщения об авторстве и источнике текста содержатся в электронных письмах Роберта П. Хьюза, Уильяма М. Тодда и Джона Мальмстада к И. А. Паперно от 16, 18 и 27 августа 2021 года. Благодарим Роберта П. Хьюза, Уильяма М. Тодда и Джона Мальмстада за разрешение обнародовать полученную от них информацию.

[11] Л. Я. Гинзбург в 1960-е годы была вовлечена в процесс подготовки книги Мандельштама в «Библиотеке поэта» и, в частности, во взаимоотношения Н. Я. Мандельштам с их «общим другом» – составителем и комментатором готовившегося издания Н. И. Харджиевым, в то время держателем архива Мандельштама (Переписка Н. Я. Мандельштам с Л. Я. Гинзбург (1959–1968) / Подгот. текста, предисл. и коммент. О. Е. Рубинчик // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64. P. 25). Мы предполагаем, что текст «Стихов о Сталине» мог стать известным Гинзбург через Харджиева, с которым она (после его конфликта

свою очередь, не составляет труда предположить, что человеком, передавшим «Стихи о Сталине» Янгфельдту, был имевший полный доступ к архиву Мандельштама Н. И. Харджиев – 1973 годом датируется начало их тесного общения в Москве, оборвавшегося в 1977-м[12].

Причины, по которым публикаторы в одном случае предпочли сохранить анонимность и в обоих – уклонились от указания на источник текста, в первую очередь связаны, очевидно, с тем, что обе публикации не были согласованы с вдовой поэта, воздерживавшейся от обнародования «Стихов о Сталине».

Вне всякого сомнения, главным мотивом, побудившим Харджиева в обход Н. Я. Мандельштам инициировать публикацию ставшего к середине 1970-х легендарным текста, был личный конфликт с вдовой поэта. Во многом конфликт этот был вызван несогласием Харджиева с интерпретацией обстоятельств возникновения и смысла «Стихов о Сталине», которую настойчиво продвигала вдова поэта, а также – как ему казалось – со складывавшимся вокруг Мандельштама «фальшивым ореолом», «размножающим тех истерических „почитателей“, которых не следует смешивать с настоящими читателями стихов»[13]. Это подтверждается тем, что Харджиев (не названный по имени, но обозначенный в Scando-Slavica как «близкий друг Мандельштамов того времени»), принципиально скупой (в то время) на воспоминания[14], прямо засвидетельствовал Янгфельдту, что «Мандельштам не стеснялся „Оды“… и несколько раз читал ее [в кругу знакомых] после возвращения из воронежской ссылки»[15].

Сравнительно широко доступным полный текст «Стихов о Сталине» стал в 1981 году, когда он был опубликован (по списку, обнародованному Янгфельдтом, с учетом уточнений К. Ф. Тарановского, обладавшего полученной от вдовы поэта копией текста) в четвертом, дополнительном томе зарубежного Собрания сочинений Мандельштама[16]. Несмотря на то что текст был сопровожден комментарием, целиком заимствованным из «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам, включение «непопулярных»[17] среди поклонников Мандельштама 1970-х годов «Стихов о Сталине» в Собрание сочинений вызвало критику одного из рецензентов издания, Е. Г. Эткинда. Опираясь на сведения из тех же «Воспоминаний» о том, что, уезжая из Воронежа, поэт просил Н. Е. Штемпель уничтожить имевшийся у нее экземпляр «Стихов о Ста-

---

с Н. Я. Мандельштам в 1967 году) сохраняла дружеские отношения.

[12] См.: *Мейлах М.* Кража века, или Идеальное преступление: Харджиев против Янгфельдта // OpenSpace.ru. 2012. 12 апреля.

[13] Из письма Харджиева 1969 года В. Н. Орлову (*Нерлер П.* Con amore: Этюды о Мандельштаме. М., 2014. С. 681).

[14] Ср. свидетельство М. В. Ардова: «Году в семидесятом мы с Михаилом Мейлахом пришли к Харджиеву. Там мы застали Эмму Григорьевну [Герштейн]. Хозяин сидел за своим письменным столом, а Герштейн на стуле перед ним. В какой-то момент Эмма Григорьевна произнесла: „Вы просто обязаны написать мемуары“. И тут Харджиев, дотоле сидевший в довольно статичной позе, весьма проворно сложил два кукиша и моментально поднес их к самому лицу собеседницы… Ни я, ни Мейлах не в силах забыть эту „немую сцену“» (*Ардов М.* Вокруг Ордынки. СПб., 2000. С. 63). В письме к нам от 20 августа 2021 года М. Б. Мейлах подтвердил это воспоминание.

[15] *Jangfeldt B.* Op. cit. P. 41. Позднее факт чтения Мандельштамом «Стихов о Сталине» в Москве подтвердила Э. Г. Герштейн: «⟨…⟩ бывая нелегально у Осмеркиных в 1937–1938 гг., Осип Эмильевич с большим пафосом читал забегавшим туда на огонек знакомым вот эту самую свою „Оду“» (*Герштейн*. С. 417).

[16] *Мандельштам О.* Собрание сочинений / Под ред. Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова. Париж, 1981. [Т.] IV, дополнительный. С. 23–26. Уточнения текста были сделаны в публикации: *Тарановский К. Ф.* Две публикации «Сталинской оды» О. Э. Мандельштама // Scando-Slavica. 1977. Vol. 23. № 1. P. 87. Машинопись «Стихов о Сталине», хранившаяся в архиве Н. Я. Мандельштам, не была передана ею в 1973 году на Запад в составе мандельштамовского архива, в 1976 году поступившего из Парижа на хранение в библиотеку Принстонского университета (США), – в Принстоне она отсутствует. После смерти Н. Я. Мандельштам она находилась в распоряжении Ю. Л. Фрейдина; ныне ее местонахождение неизвестно. По фотокопии с этой машинописи, сделанной Ю. Л. Фрейдиным, текст «Стихов о Сталине» опубликован А. Г. Мецем в Полном собрании стихотворений (СПб., 1995) и Полном собрании сочинений и писем (М., 2009. Т. 1) Мандельштама.

[17] См.: Непопулярные стихи Николая Заболоцкого и Осипа Мандельштама / Вступ. заметка и републикация К. Кириллова [С. В. Дедюлина] // Северная почта: Журнал стихов и критики. 1979. № 4. С. 71–77. Публикация представляет собой воспроизведение «Горийской симфонии» Заболоцкого и «Стихов о Сталине» Мандельштама в ленинградском самиздатском журнале, выходившем в 1979–1981 годах под редакцией С. В. Дедюлина и В. Б. Кривулина. Стихи Мандельштама напечатаны со ссылкой на публикацию Янгфельдта «с некоторыми исправлениями опечаток и пропусков» (очевидно, републикатор располагал копией полного текста).

лине», Эткинд задавался вопросами, в публицистически заостренном духе, по сути, повторяя риторические вопросы из статьи Кларенса Брауна 1967 года:

> Стоит ли гнаться за эфемерной «академической полнотой» ценой компрометации поэта? ⟨…⟩ Мандельштамовская «ода» извлечена из черновиков, из архива, для чего? Чтобы очернить поэта? Воспользоваться тем, что… он не успел сжечь рукопись сам, а поручил другим, обманувшим его?[18]

На этом, казалось бы, частном примере – истории первых публикаций так называемой «Оды» («Стихов о Сталине») и ее рецепции – нам хотелось показать, что уже к середине 1970-х годов наследие Мандельштама стало предметом и даже орудием противостояния. Акторы его определились сразу – это были, с одной стороны, вдова поэта и утверждаемый ею (авто)биографический нарратив, а с другой – несогласные с ним современники[19] (а впоследствии и исследователи[20]). Книги Н. Я. Мандельштам – выдающиеся памятники новой русской прозы, к тому же мировые бестселлеры[21], были чрезвычайно влиятельны. В сочетании с объективными фактами биографии Мандельштама – прежде всего его беспрецедентным выступлением против Сталина в 1933 году и мученической гибелью в советском концлагере – «Воспоминания» Надежды Мандельштам определили напряженность этого противостояния и первоначальное неравенство сил в нем.

Авторитет «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам и создаваемого в них образа поэта был следствием не только художественного дара их автора, но и его социальной чуткости: они шли навстречу возникающему в СССР в конце 1950-х годов отчетливому общественному запросу на фигуру, репрезентирующую безупречное нравственное сопротивление сталинскому режиму. Ставший жертвой государственного террора великий поэт вырастал в идеологический символ. «Ощущалась близость судеб и жизни – нашей и Мандельштама (в отличие от классиков и даже Пастернака) – со всеми должными оговорками. Его конец был как бы нашим (потенциальным) концом. Мандельштам был как бы символом, парадигмой существования свободной души в тоталитарном государстве» – так высказался от имени (по)читателей Мандельштама 1960–1970-х годов Ю. И. Левин, один из первопроходцев изучения поэта в СССР, который отказался продолжить мандельштамовские штудии в изменившихся с наступлением горбачевских реформ социокультурных условиях[22].

Однако по мере того, как советский тоталитаризм становился достоянием истории, ограниченность подхода к жизни и творчеству Мандельштама как к «символу» антитоталитарного сопротивления делалась очевидной. Такой подход все более входил в противоречие с накапливавшейся массой документальных свидетельств, касающихся биографии поэта, а его герменевтический потенциал выглядел в свете новых данных все более недостаточным. Назрела, с

---

[18] *Эткинд Е.* Размышления о последнем томе О. Мандельштама и о первом томе М. Цветаевой // Русская мысль. 1981. 7 мая. С. 10.

[19] Если говорить о людях из ближайшего окружения Мандельштама, то к Н. И. Харджиеву в 1980-е годы присоединилась Э. Г. Герштейн, выпустившая книгу «Новое о Мандельштаме» (Paris, 1986). Следует учесть, что небольшие по объему, но чрезвычайно весомые воспоминания Б. С. Кузина – еще одного близкого друга Мандельштамов в 1930-е – также были написаны (в 1970 году) в качестве «корректирующего» ответа на «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам. Особняком стоит незавершенная книга Л. К. Чуковской «Дом Поэта» (1972–1976; опубл. 2001; отд. изд.: М., 2012), целиком посвященная полемике с Н. Я. Мандельштам.

[20] Необходимо упомянуть здесь пионерскую работу Г. М. Фрейдина: *Freidin G.* Mandel'shtam's Ode to Stalin: History and Myth // The Russian Review. 1982. Vol. 41. № 4. P. 400–426. Важнейший вклад в становление независимого от установок Н. Я. Мандельштам изучения наследия поэта внесли также М. Л. Гаспаров и Е. А. Тоддес.

[21] См.: *Нечипорук Д.* Рецепция мемуаров Н. Я. Мандельштам в США // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. / Ред.-сост. Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. М., 2016. С. 233–238. (Лекманов Олег Андершанович признан в РФ иностранным агентом. – *Примеч. ред.*)

[22] *Левин Ю.* Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме [Выступление на лондонской конференции к 100-летию Мандельштама 2 июля 1991 года] // Русская мысль. 1991. 26 июля. С. 14–15.

нашей точки зрения, необходимость реконструкции и реинтерпретации на основе широкой документальной базы ключевых сюжетов мандельштамовского биографического текста советского периода. Попытка такой реконструкции предпринята нами в предлагаемой работе.

Считаем своим приятным долгом поблагодарить коллег, содействовавших в написании этой книги. Мы искренне признательны М. В. Акимовой, Е. В. Берштейну, Д. Н. Бутрину, Л. М. Видгофу, Т. М. Двинятиной, В. В. Зельченко, Р. Г. Лейбову, Ю. П. Левингу, Г. А. Левинтону, О. А. Лекманову, Т. Ф. Нешумовой, И. А. Паперно, А. Л. Соболеву, С. И. Субботину, Р. Д. Тименчику за разнообразную и щедрую помощь. Текст писался в непрерывном и обогащающем диалоге с Марией Степановой, которая стала его первым внимательным читателем и критиком. Все возможные ошибки и спорные гипотезы остаются, разумеется, на совести автора.

Книга впервые вышла в 2022 году под названием «Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)» (Москва: Новое издательство). Для настоящего издания текст был существенно дополнен и исправлен.

Москва, 2020–2021
Берлин, 2026

Осип Мандельштам в двадцатые-тридцатые годы

1

17 мая 1938 года, ровно через четыре года после первого ареста, Мандельштам был допрошен в рамках заведенного на него 30 апреля следственного дела № 19390 по обвинению в контрреволюционной деятельности. Отказавшись признать вину в антисоветской агитации, Мандельштам показал:

> Должен признать свою вину в том, что, несмотря на запрещение и не имея разрешения, я неоднократно приезжал в Москву [в 1937–1938 годах]. Цель моих поездок, в сущности, сводилась к тому, чтобы через Союз писателей получить необходимую работу, т. к. в условиях г. Калинина я не мог найти себе работы. Помимо этого я добивался через Союз писателей получения критической оценки моей поэтической работы и потребности творческого общения с советскими писателями[23].

На взгляд проводившего допрос младшего лейтенанта госбезопасности П. Шилкина, такое объяснение не могло не выглядеть достаточно экзотически. Литератор, только что отбывший трехлетнюю административную высылку по обвинению в антисоветской деятельности, лишенный права проживания в Москве и не являющийся ни членом, ни кандидатом в члены Союза советских писателей СССР, *добивается* от Союза получения оплачиваемой работы и положительной оценки своих новых произведений. Это неконвенциональное с точки зрения установившегося во второй половине 1930-х годов советского обихода поведение было истолковано НКВД как «враждебная агитация», что, в свою очередь, требовало от органов госбезопасности вновь «подвергнуть Мандельштама аресту и изоляции»[24].

Для Мандельштама такая стратегия была, однако, совершенно органичной.

Истоки этого драматического взаимонепонимания, приведшего к гибельным для поэта последствиям, следует искать в системе мировоззренческих установок, сложившейся у Мандельштама в конце 1910-х годов и названных в свое время Е. А. Тоддесом его «поэтической идеологией»[25].

---

[23] *Нерлер П.* Слово и «Дело» Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 102.

[24] Там же. С. 99.

[25] Это определение, послужившее названием классической уже работы Е. А. Тоддеса (1991), отличает известная метафоричность; корректнее, на наш взгляд, говорить об авторской идеологии Мандельштама.

2

В начале 1970-х годов, готовя на основе своих дневниковых записей работу о Мандельштаме, А. К. Гладков в одном из фрагментов оставшейся ненаписанной статьи замечает:

> …если, освободясь от гипноза страстной, умной, горькой диалектики книги Н. Я. [Мандельштам «Воспоминания»], от поразительной правды общей картины времени, нарисованной ей, попробовать независимо от ее точки зрения взвесить только *факты* судьбы Мандельштама до его последнего ареста, то неожиданно выясняется, что, пожалуй, никто из беспартийных писателей, не бывших «деятелями», не имел таких многочисленных контактов с членами правительства, людьми власти. Долгое и неплатоническое покровительство Бухарина. Персональная пенсия еще в молодые годы. Помощь Енукидзе, Кирова, Гусева, Ломинадзе, Молотова. Их толчки в издательских делах, в устройстве командировок, пребывания в высокопоставленных санаториях. Квартиру он получил среди первых в среде писателей: до этого жил во флигеле Дома Герцена, где жили и Фадеев, Тренев, Павленко. Пастернак получил отдельную квартиру позже. У него был договор на собрание сочинений, за который он успел получить 60%. Первый приговор был мягчайшим, учтя содеянное. В конфликте с Горнфельдом был виноват скорее всего он сам. Откуда же это постоянно[е] ощущение отщепенства и травли?[26]

Наблюдение Гладкова исторически совершенно корректно[27]: оно аккумулирует имена помогавших Мандельштаму в разные годы высокопоставленных советских деятелей (их ряд может быть продолжен по крайней мере Луначарским, Дзержинским, Томским и менее известным личным секретарем Ленина Н. П. Горбуновым[28]) и факты его писательской биографии. Наблюдение это проницательно касается ключевого для понимания судьбы поэта обстоятельства: с одной стороны, его теснейшее взаимодействие с советской литературной системой и писательской средой, а с другой – глубоко конфликтный и травмирующий характер этого взаимодействия.

После публикации в левоэсеровской газете «Знамя труда» стихотворения «Гимн» (24 мая 1918 года, в позднейшей редакции «Сумерки свободы»), манифестировавшей принятие Мандельштамом – после периода сомнений рубежа 1917/1918 годов – большевистского переворота и его последствий, «отношение поэта к советскому социуму (что не тождественно отношению к революции) колебалось»[29]. О природе этих колебаний пойдет речь далее, однако уже сейчас необходимо отметить, что принципиальные положения о соотношении культуры и нового государства, высказанные Мандельштамом в 1918–1920 годах, впоследствии не подвергались пересмотру. Речь идет, прежде всего, о написанной в 1918 году, в период службы Мандельштама в Наркомпросе[30], статье «Государство и ритм» и статье 1920 года «Слово и

---

[26] *Гладков А. К.* ⟨Глоссы о Мандельштаме⟩ / Публ. и подгот. текста М. Михеева, П. Нерлера, С. Василенко // Михеев М. Ю. Александр Гладков о поэтах, современниках и – немного о себе… (Из дневников и записных книжек). 2-е изд. М., 2019. С. 235 (здесь и далее не оговоренные особо выделения в тексте принадлежат авторам).

[27] Трудно согласиться с Ю. Л. Фрейдиным, утверждающим в письме к публикатору дневниковой записи Гладкова от 9 августа 1971 года, которая легла в основу цитированного нами текста, что «каждая позиция Гладкова может быть опровергнута фактами» (*Гладков А.* Дневниковые записи. 1971 год / Публ. и коммент. М. Михеева // Знамя. 2015. № 6. С. 141).

[28] См.: *Мец А. Г.* Осип Мандельштам в Кремле (1918) // Toronto Slavic Quarterly. 2015. № 54.

[29] *Тоддес Е. А.* ⟨Мандельштам и Рудаков⟩ // Тоддес. С. 595. Мы, вслед за Е. А. Тоддесом (Там же. С. 352), безусловно разделяем предположение о том, что «народный вождь» в «Гимне» – это Ленин.

[30] Об этом периоде, включая колоритные подробности выполнения поэтом «ответственных заданий», см.: Документы О.

культура». Первая из них, помимо полной идентификации автора с «нашим молодым государством»[31], замечательна тем, что, по наблюдению Е. А. Тоддеса, «государство (революционная диктатура) и культура оказываются в одном ценностном ряду. Это представление в течение последующих семи десятков лет [существования советского режима] поддерживалось и государством, и людьми культуры, причем… каждая сторона руководствовалась своими мотивами: государство стремилось сделать культуру государственной, а люди культуры надеялись, как Мандельштам в 1918 г., что государство станет культурным»[32]. Эти надежды стояли и за высказанным в «Слове и культуре» тезисом о том, что «намечается и органический тип новых взаимоотношений, связывающий государство с культурой, наподобие того, как удельные князья были связаны с монастырями. Князья держали монастыри для совета» (II: 51)[33]. Функция поэта мыслится как «экспертная», гуманизирующая «грядущую социальную архитектуру». Непременной социальной и идеологической рамкой остается при этом принятие нового государственного устройства – советской власти. Последнее, по справедливому замечанию Е. А. Тоддеса, в свою очередь требовало «принять современность и литературный быт»[34]. «По возвращении в Советскую Россию [из Крыма в 1920 году] я вростаю ⟨sic!⟩ в советскую действительность первоначально через литературный быт, а впоследствии непосредственной работой: редакционно-издательской и собственно-литературной», – показывал Мандельштам в ОГПУ 25 мая 1934 года[35].

Э. Мандельштама в архиве Наркомпроса: Возвращение к теме / Публ. Н. В. Котрелева // Окно из Европы: к 80-летию Жоржа Нива / Сост. А. Е. Парнис, Г. В. Нефедьев, В. Л. Скуратовский. М., 2017. С. 658–693; особ. см. с. 692 с воспоминаниями С. Г. Вышеславцевой.

[31] *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. / Сост. А. Г. Мец. М., 2009–2011. Т. 2. С. 44. Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте: римские цифры указывают на номер тома, арабские – на номер страницы.

[32] *Тоддес Е. А.* Поэтическая идеология // Тоддес. С. 353.

[33] Именно эти строки вызвали полемический выпад Цветаевой в посвященной «Шуму времени» статье «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (1926): «Если бы Вы были *мужем,* а не „…“, Мандельштам, Вы бы не лепетали тогда в 18 г. об „удельно-княжеском периоде“ и новом Кремле, Вы бы взяли винтовку и пошли сражаться» (*Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. / Сост. А. Саакянц и Л. Мнухина. М., 1994. Т. 5. С. 310; пропуск в рукописи). К этому же времени относится свидетельство Эренбурга: «Мандельштам, изведав прелесть службы в каком-то комиссариате, гордо возглашает: как сладостно стоять ныне у государственного руля!» (*Эренбург И.* Стилистическая ошибка // Возрождение (Москва). 1918. 5 июня; цит. по: *Эренбург И.* Портреты русских поэтов / Изд. подгот. А. И. Рубашкин. СПб., 2002. С. 178); статья начинается с описания не названного по имени Мандельштама: «Недавно в одном литературном салоне некий небезызвестный поэт, безукоризненный эстет из „Аполлона“, с жаром излагал свои большевистские идеи» (Там же. С. 175). К 1967 году относится свидетельство Е. Я. Хазина о том, что «в первые годы (1920) [Мандельштам] был настроен очень революционно, что „присяга четвертому сословию“ была не случайна» (Лето 1967 года в Верее: Н. Я. Мандельштам в дневниковых записях Вадима Борисова / Публ. и подгот. текста С. Василенко, А. Карельской, Г. Суперфина // «Посмотрим, кто кого переупрямит…»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. М. Нерлер. М., 2015. С. 495). 24 января 1925 года М. А. Кузмин фиксировал в дневнике: «Мандельшт⟨ам⟩ удивляется моей ярости по отношению к большевикам» (РГАЛИ, сообщено А. Б. Устиновым). В конце 1925 года «политическая» опечатка «белый Мандельштам» (вместо «былой») казалась И. Г. Эренбургу «гомерически» смешной (см. его письмо Е. Г. Полонской от 2 декабря 1925 года: *Эренбург И.* Дай оглянуться…: Письма 1908–1930 / Изд. подгот. Б. Я. Фрезинским. М., 2004. С. 476).

[34] *Тоддес Е. А.* Поэтическая идеология // Тоддес. С. 370.

[35] *Нерлер П.* Указ. соч. С. 46.

3

Тесное соположение этих двух понятий («современности» и «литературного быта») в политическом контексте неслучайно. Одним из важнейших социокультурных последствий Октябрьского переворота стало радикальное изменение традиционных основ профессиональной писательской жизни в России. «Октябрьская революция опрокинула… целый общественный режим, основанный на буржуазной собственности. Этот режим имел свою культуру и свою официальную литературу. Крушение режима не могло не стать – и стало – крушением дооктябрьской литературы», – писал Л. Д. Троцкий[36]. Монополизация государством печатного станка в 1918 году и немедленное введение политической цензуры изменили и экономические, и моральные основания деятельности русского литератора. Переход к нэпу на время ослабил государственное давление, но не изменил принципиальных идеологических основ большевистской диктатуры. Фактически подводя итоги десятилетнему существованию послеоктябрьской литературы, Б. М. Эйхенбаум в статье 1927 года, остро проблематизирующей самое проблему «литературного быта»[37], с чрезвычайной точностью диагностировал: «Вопрос о том, „как писать“, сменился или, по крайней мере, осложнился другим – *„как быть писателем“*».

Не будет преувеличением сказать, что решать этот критически важный вопрос пришлось в той или иной степени каждому из остававшихся в СССР литераторов. Мандельштам не был исключением.

В конце декабря 1930 года Н. Я. Мандельштам, находясь в санатории Академии наук СССР[38] в Старом Петергофе, обращается с большим письмом к В. М. Молотову, только что назначенному председателем Совнаркома СССР. Адресатом письма Молотов стал, однако, в прежнем своем качестве – многолетнего секретаря ЦК ВКП(б), которому подчинялся, в частности, занимавшийся литературной жизнью Отдел агитации, пропаганды и печати ЦК, преобразованный в январе 1930 года в Отдел культуры и пропаганды (Н. Я. Мандельштам именует его принятым сокращением Культпроп), заместителем заведующего которым был (с 1929 года) упоминаемый в начале письма А. Н. Гусев[39].

> Уважаемый тов. Молотов!
>
> Нынешней весной вы слыхали должно быть о тяжелом состоянии поэта Мандельштама. Тогда же тов. Гусев – з⟨аместитель⟩ з⟨аведующего⟩ Культпропа ЦК ВКП(б) организовал отъезд Мандельштама – в Сухум, в Дом Отдыха, а затем, по желанию Мандельштама, на юг, в Армению: врачи, консультировавшие Мандельштама, рекомендовали после отдыха стать на работу на какой-нибудь из южных окраин, по возможности, не русских, чтобы

---

[36] *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923. С. 15.

[37] *Эйхенбаум Б.* Литература и литературный быт // На литературном посту. 1927. № 9. В «Моем временнике» Эйхенбаума (Л., 1929. С. 49–58) текст получил название «Литературный быт». Цитируется нами по этому изданию.

[38] Санаторий был устроен в 1929 году в бывшей усадьбе В. С. Беллей, урожденной Вейнберг, тетки поэта Г. В. Адамовича (сестры его матери), в 1920 году эмигрировавшей во Францию (см.: *Колмогоров А.* Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой. М., 2013. С. 331).

[39] Л. Д. Троцкий так характеризовал эту относящуюся к концу 1920 – 1930-х ситуацию: «Высшее руководство художественным словом оказалось в руках Молотова, который есть живое отрицание всего творческого в человеческой природе. Помощником Молотова – час от часу не легче! – оказался Гусев, искусник в разных областях, но не в искусстве» (*Т[роцкий Л.]* Самоубийство В. Маяковского // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. Май. С. 40). Функции Молотова перешли после его ухода в Совнарком к Л. М. Кагановичу, на которого легла позднее часть подготовки к объединению писателей на основе резолюции Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

в новых условиях ликвидировать нервное заболевание, вызванное травмой (это было результатом травли, которая велась против Мандельштама).

Однако наладить работу в Армении для Мандельштама не удалось – из-за незнания армянского языка – и после нескольких месяцев отдыха нам пришлось вернуться на север. В Закавказьи Мандельштам вполне оправился от болезни, но попав на север в те же – вернее, более тяжелые бытовые условия, он, несомненно, скоро расшатает свое здоровье и все вернется к прежнему положению.

Дело в том, что почва для болезни Мандельштама подготовлялась годами и причина ее коренилась в той жизни, которую мы вели и изменить которую были не в силах.

Основная беда в том, что Мандельштам не может прокормиться чисто литературным трудом – своими стихами и прозой. Скупой и малолистный автор, он дает чрезвычайно малую продукцию. Последнюю свою прозаическую вещь, изданную в 28 году Гизом, – он писал около двух лет (11/2 листа). Полное собрание Мандельштама – плод двадцатилетней работы – расцененное издательской бухгалтерией полистно и построчно, дало ему несколько лет назад 1.500 р.

Так, литературный гонорар являлся, в сущности, случайным, а жил Мандельштам переводами. Более ядовитой профессии для писателя, особенно для стихотворца нельзя себе представить. В течение десяти лет изо дня в день Мандельштаму приходилось переводить, т. е. беспрерывно подлаживаться под чужие стили, истощать мозг лжеизобретательством, холостым творчеством. Переводы исключали всякую возможность личной работы. Сотни переведенных Мандельштамом листов – это каторжный труд, в течение многих лет разрушавший его нервную систему. К тому же положение переводчика в издательствах было ужасным: на переводную работу смотрели, как на нечто вроде собезного пособия для безработных интеллигентов и получить перевод было не легче, чем его сделать. Хронические безработицы постоянно выбивали из-под ног почву, не давали возможности сколько-нибудь прочно устроиться. Борьба за существование отнимала все силы и на моих глазах в течение многих лет разрушала человека.

Сейчас *к переводам возврата нет* – мы предпочтем любой исход прежней лямке.

После тяжелого жизненного кризиса, после перенесенной болезни, Мандельштам – пожилой и утомленный человек – очутился у разбитого корыта.

У него нет профессии, которая бы его обеспечила, нет жилья, ничего нет… То, что он умеет делать, никак не котируется на трудовой бирже. А в любом учреждении не решатся принять на работу лирического поэта, да к тому же с ярлыком правого попутчика. Если Мандельштам самостоятельно придет предлагать свои услуги – он, в лучшем случае, устроится неквалифицированным библиотекарем или техническим работником в каком-нибудь архиве и т. п… на 90 р. в месяц – без квартиры и при семье в три человека.

Вопрос о работе Мандельштама – это вопрос принципиальный и он должен быть разрешен раз и навсегда.

В сущности, речь идет о праве Мандельштама на жизнь: нужно или не нужно сохранить Мандельштама?

А чтобы его сохранить, нужно создать для него нормальные условия жизни – дать ему академическую спокойную работу (хотя бы исторически-архивную, которую он сам получить не может, т. к. ему отвечают – «нет нужды, нет штатов, вы не марксист, раз вы писатель так пишите, а у нас есть спецы и т. д…»).

Второй вопрос квартирный. Все эти годы у нас не было средств, чтобы купить себе квартиру. Уезжая в Армению, мы потеряли свое жилье и остались буквально на улице. Та работа, на которой может быть использован Мандельштам, не может дать ему квартиры. Нигде, ни в одном городе нельзя получить жилплощади. Мандельштам оказался беспризорным во всесоюзном масштабе.

Но существует же какой-то жилищный фонд и нужные люди у нас не остаются на улице. Один раз нужно счесть не спеца таким человеком, а поэта, чтобы он не метался из города в город, ища пристанища. Если это невозможно в Москве, то нужно устроить Мандельштама хотя бы в одном из южных городов.

Я повторяю, что это не просто бытовые неувязки, а вопрос о праве на жизнь. Позади – долгие годы борьбы и труда; не под силу изворачиваться, искать мелких заработков, бегать по редакционным прихожим за работишкой. А именно это предстоит Мандельштаму, если не будет решительного вмешательства в его судьбу. Ему помогли оправиться от болезни, но причины, приведшие к заболеванию, не устранены… Если раз навсегда не устроить Мандельштама, то каждый год его будет загонять в тупик и роскошные санатории будут чередоваться с настоящим бродяжничеством.

Тяжелая жизнь лирического поэта, конечно, не в диковинку, но близкому человеку – жене – не под силу смотреть, как разрушается жизнеспособный человек, в самом разгаре творческих сил.

Но я надеюсь, что это письмо не останется без ответа.

Надежда Мандельштам[40]

⟨…⟩

Центральный тезис этого письма, ярко резюмирующего социальное положение Мандельштама к 1931 году, заключен в словах: «В сущности, речь идет о праве Мандельштама на жизнь: нужно или не нужно сохранить Мандельштама?» Эти же слова (неслучайно, но, разумеется, помимо авторской воли) напрямую отсылают нас к трем центральным текстам, документирующим кризис старой модели литературного быта и утверждение его новых, по большей части уродливых, пореволюционных форм. Речь идет об «Апокалипсисе нашего времени» В. В. Розанова и предисловии к «эпопее» «Я» и статье «Дневник писателя» Андрея Белого[41].

«Устал. Не могу. 2–3 горсти муки, 2–3 горсти крупы, *пять* круто испеченных яиц может часто спасти *день мой*. ⟨…⟩ Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни. **В. Р.** *Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка Полевая ул., дом свящ. Беляева*». Это ставшее знаменитым печатное обращение к читателю было помещено в выпуске 6–7 «Апокалипсиса нашего времени», издававшегося Розановым в Сергиевом Посаде с конца 1917 года. Фактически являющийся беспрецедентной в истории

[40] *Григорьев А., Петрова И. [Мец А. Г., Сажин В. Н.]* Мандельштам на пороге тридцатых годов // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 2. P. 182–184. Одновременно: Два письма Н. Я. Мандельштам / [Публ. и коммент. А. Б. Рогинского, С. В. Дедюлина] // Память: Исторический сборник. М., 1976; Нью-Йорк, 1978. Вып. 1. С. 302–304.

[41] Подробный разбор этих текстов в связи с проблемой литературного быта см.: *Морев Г.* «Нет литературы и никому она не нужна»: К истории писательского самоопределения в России, 1917–1926 // Un Radioso Avvenire? L'impatto della Rivoluzione d'Ottobre sulle scienze umane / A cura di E. Mari, O. Trukhanova, M. Valeri. Roma, 2019. P. 201–214.

русской литературы *печатной просьбой о милостыне* текст Розанова лег в основу позднейшей традиции писательских обращений о помощи, включившей в себя имена Клюева и Мандельштама[42]. Обращение Розанова стало первым свидетельством полного краха традиционной модели писательского выживания за счет гонорарной оплаты литературного труда. Коммерчески успешный автор[43], Розанов, начиная выпуск «Апокалипсиса», рассчитывал на продаже издания и подписке на него получить необходимые «средства жизни»[44]. Однако цензурные репрессии и монополизация печатной жизни большевиками сделали этот план неосуществимым. Как и абсолютное большинство русских литераторов, Розанов оказывается лишен, по слову Блока, *«простого права писательского»*[45] – права на публикацию и оплату своих текстов, позволяющую жить литературным трудом.

Блок написал это 21 ноября 1918 года в записной книжке поперек перечня дел в Театральном отделе Наркомпроса, где поэт вынужден был работать ради «средств жизни». Проблему полной социальной невостребованности литератора, который «падает под бременем работы, ему чуждой», и «месяцами не имеет возможности сосредоточиться и окончить хотя бы недописанную фразу»[46], будучи занят на бесконечных советских службах, поднял в текстах 1919–1921 годов Андрей Белый. «В социалистическом государстве же я, пролетарий, пока обречен на голодную смерть, если я захочу жить действительным делом своим, а не кидаться в „комиссии“, где я все только путаю», – писал Белый[47]. Центральный мотив его нашумевших печатных обращений к общественности – Мандельштам в рецензии (III: 100) отметил их «апокалиптический тон» (объединяющий, добавим, Белого с Розановым) – «нужен ли он кому-нибудь, т. е. нужен ли „Петербург“, „Серебряный голубь“ и др. произведения автора»[48].

С этими же темами физического сохранения писателя и необходимости писательства как функции в общественном организме, впервые поднятыми печатно Розановым и Белым, связан и другой, ставший лейтмотивным в литературной среде 1920-х годов тезис – о депрофессионализации как способе выхода из катастрофы, постигшей социальное бытование литератора в СССР. В том случае, пишет Белый, если бы он не надеялся все-таки найти возможность существовать как писатель, «автор немедленно положил бы перо и старался бы найти себе место среди чистильщиков улиц, чтобы не изнасиловать свою душу суррогатами литературной деятельности»[49]. Свое буквальное воплощение тема перемены статуса получила в произведшем на современников шокирующее впечатление скандальном жесте А. И. Тинякова, сознательно превратившегося в 1926 году из профессионального литератора в профессионального нищего[50]. Случай Тинякова уникален[51]. Большинство вынуждено было довольствоваться как раз «сурро-

---

[42] Мы имеем в виду эпистолярные обращения ссыльных поэтов из Колпашева и Томска (1934–1937) и из Воронежа (1937).

[43] В 1915–1916 годах читательский успех позволил Розанову выпустить в издательстве М. А. Суворина «Опавшие листья» («Короб 2-й») и переиздать там же «Уединенное», первоначально изданные за свой счет (см. коммент. В. Г. Сукача в изд.: *Розанов В. В.* О себе и жизни своей / Сост. В. Г. Сукача. М., 1990. С. 760).

[44] Там же. С. 784.

[45] *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920 / Сост. Вл. Орлова. М., 1965. С. 436.

[46] *Белый А.* Вместо предисловия // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 11.

[47] *Белый А.* Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать // Записки мечтателей. 1921. № 2–3. С. 127.

[48] *Белый А.* Вместо предисловия. С. 12.

[49] Там же.

[50] Подробнее см.: *Морев Г.* Указ. соч. С. 179–201.

[51] В том же 1926 году, по словам Н. А. Клюева, он, начав поэму «Деревня», «впервые в жизни вышел на улицу с протянутой рукой за милостыней» (из заявления в Правление ВССП от 20 января 1932 года: *Клюев Н.* Словесное древо: проза / Сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб., 2003. С. 408). Других подтверждений этого буквального воплощения Клюевым содержащегося в его стихотворении «Стариком, в лохмотья одетый…» (опубл. 1922) образа поэта, просящего милостыню, у нас нет. Однако, даже если принять заявление Клюева на веру и не считать его сделанным под впечатлением громкой истории Тинякова, приходится отметить, что его жест был противоположен тиняковскому: в отличие от Тинякова, демонстративно вставшего с плакатом «Подайте на хлеб поэту, впавшему в нищету» на Литейном проспекте у входа в одно из крупнейших ленинградских издательств, Клюев старался «не попадаться на глаза своим бесчисленным знакомым писателям

гатами литературной деятельности». Одним из таких суррогатов стало в 1920-х обслуживание издательской машины по выпуску переводной литературы, имевшей рыночный спрос, названное в приведенном письме Н. Я. Мандельштам «холостым творчеством».

Как видим, письмо Н. Я. Мандельштам к Молотову аккумулирует эти насущные для литературного быта 1920-х годов темы. Все они, разумеется, напрямую влияли и на построение мандельштамовского биографического текста. К 1930 году найденный им в начале десятилетия ответ на вопрос «как быть писателем» перестал выглядеть удовлетворительным.

〈…〉 на задворках Ситного рынка» (Там же). Имеется в то же время свидетельство Б. А. Филиппова (1943) о том, что Клюев показывал ему «на одного из нищих 〈…〉 и сказал: „Замечательный поэт… Но не может «приспособиться» и жить литературой“» (Николай Клюев: Воспоминания современников / Сост. П. Е. Поберезкина. М., 2010. С. 305; по всей видимости, речь идет о Тинякове). По воспоминаниям И. М. Гронского, в 1932 году он узнал о том, что Клюев просит милостыню на паперти одной из московских церквей, указывая, что он «русский поэт» (*Гронский И. М.* О крестьянских писателях / Публ. М. Никё // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1990. Вып. 8. С. 148). Достоверно известно, что летом 1935 года в Томске Клюев просил «милостыню на кусок хлеба опальному поэту» (Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 620). Нет, кажется, и оснований не верить словам из письма поэта Л. Э. Кравченко от 20 января 1935 года: «Я знаю, Вы, как никто, почувствуете мои кровавые слезы, когда я, мокрый от волнения, со страшно бьющимся сердцем, дожив до седин, в первый раз в жизни протянул руку за милостыней…» (Наследие комет: Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре / [Сост.] Т. Кравченко, А. Михайлов. М.; Томск, 2006. С. 189).

4

«Что я делаю? – писал Мандельштам отцу в конце ноября 1923 года – Работаю для денег. Кризис тяжелый. Гораздо хуже, чем в прошлом году. Но я уже выровнялся. Опять пошли переводы, статьи и пр. „Литература“ мне омерзительна. Мечтаю бросить эту гадость. Последнюю работу для себя я сделал летом. В прошлом году работал для себя еще много. В этом – нини…» (III: 386).

Судя по опубликованным к сегодняшнему дню документальным материалам, переводы, внутреннее рецензирование и газетно-журнальные статьи составляли основной и более-менее стабильный источник доходов Мандельштама на протяжении 1920-х годов – в отличие от крупных, но разовых гонораров за публикацию оригинальных стихотворений и прозы[52]. Письма поэта полны упоминаний о бесконечных редакционно-издательских перипетиях, касающихся переводов; они тяготят Мандельштама, но связаны с необходимым заработком. Мандельштам пользуется поддержкой высокопоставленных советских издательских работников – Ф. М. Конара, М. Б. Вольфсона, В. И. Нарбута[53], входит в тесную кооперацию с Бенедиктом Лившицем, организовавшим в Ленинграде то, что М. А. Кузмин назовет «фабрикой переводов»[54], – фактически конвейер по литературной обработке и переизданию старых переводов зарубежной литературы. К 1928 году такой – пусть и вынужденный – способ существования в литературе приобрел для Мандельштама известную инерцию. Все изменил выход в сентябре 1928 года в издательстве «Земля и фабрика» книги Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», в основу которой были положены два изданных прежде русских перевода – В. Н. Карякина (1916) и А. Г. Горнфельда (1919), – отредактированные Мандельштамом. По ошибке издательства на титульном листе значилось «Перевод с французского О. Мандельштама».

Разразившийся вслед за этим скандал принято именовать «травлей Мандельштама» (именно его имеет в виду Н. Я. Мандельштам, когда упоминает в письме Молотову «травлю, которая велась против Мандельштама»). Однако если на заключительном этапе этой истории действия оппонентов Мандельштама – в результате его встречных ходов – действительно приобрели внелитературный характер, то причины возникновения этого конфликтного сюжета и выхода его в публичное пространство лежат совсем в иной плоскости.

Инициировавший публичное разбирательство вокруг казуса с «переводом» «Тиля Уленшпигеля» А. Г. Горнфельд оказался увековечен в истории русской литературы как герой «Четвертой прозы» Мандельштама, ставшей своеобразным художественным итогом противостояния поэта и его критиков. На чрезвычайную пристрастность портрета Горнфельда, данного Мандельштамом, уже указывали исследователи[55], однако мотивы, которыми руководствовался Горнфельд в своем критическом выступлении и которые, с нашей точки зрения, имеют пря-

---

[52] См., например, об оценке «по высшей квалификационной ставке – 25 коп. золотом за стихотворную строку» стихов Мандельштама в Госиздате: *Динерштейн Е. А.* А. К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001. С. 96.

[53] Некоторый фактический материал (который должен быть отделен от неосновательных концепций автора) собран в статье: *Кацис Л. Ф.* Проблема выявления политической реальности в документах О. Э. и Н. Я. Мандельштамов о М. Б. Вольфсоне, В. И. Нарбуте, Н. И. Бухарине // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 310–341. Отметим, что приписывание автором М. Б. Вольфсона к «руководителям советской политической цензуры» не имеет никаких подтверждений.

[54] Дневниковая запись 14 февраля 1929 года (цит. по: *Летопись*. С. 343). «19 книг за 6 лет, не считая редактур», – указывает М. Л. Гаспаров, говоря о переводческой деятельности Мандельштама в 1924–1930 годах (*Гаспаров М.* О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001. С. 235).

[55] См., например: *Эткинд Е.* О рыцарях со страхом и упреком // Литературная газета. 1992. 13 мая. С. 6; *Гаспаров Б. М.* «Извиняюсь» // Культура русского модернизма: В приношение В. Ф. Маркову / Под ред. Р. Вроона, Дж. Мальмстада. М., 1993. С. 115; *Тименчик Р.* Заметки на полях именных указателей [XVI] // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 272.

мое отношение к выбору и конфликту моделей литературного поведения после революции, не рассматривались или, с нашей точки зрения, искажались[56].

Мишенью Горнфельда, опубликовавшего 28 ноября 1928 года в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» «письмо в редакцию», озаглавленное «Переводческая стряпня», был не столько персонально Мандельштам, сколько обычай советских издательств «бросать на рынок старые переводы классиков в совершенно неподходящем виде»[57]. Горнфельд, понесший материальные убытки в связи с публикацией фактически украденного у него издательством перевода, стремился, как он сам многократно подчеркивает в переписке по поводу «дела Уленшпигеля», не к судебной тяжбе с Мандельштамом и к возмещению убытков, но к вынесению проблемы на суд «общественности». Для него это был «процесс совсем не денежный, а принципиальный»[58]. «Что касается моих претензий к О. Мандельштаму, то в этом отношении я добивался только гласности и суда общественного мнения и потому совершенно удовлетворен той оглаской, которую получило дело», – пишет Горнфельд правлению Всероссийского союза писателей 10 января 1929 года[59]. Свою миссию Горнфельд (с начала 1920-х годов вовлеченный в обреченные попытки противостояния стремлению новой власти «морально разложить и исподволь полонить писателя»[60] и лично весьма щепетильный в вопросах социальной этики)[61] видит в публичном вынесении *моральной* оценки советским литературным практикам и тем авторам, которые – осознавая, как Мандельштам, порочность этих практик – тем не менее принимают в них деятельное участие.

Сложившаяся в СССР литературная система, полагает Горнфельд, провоцирует писателей на безответственность – авторскую и/или поведенческую. Так, осуждая неосновательные, с его точки зрения, выводы очередной статьи Виктора Шкловского, Горнфельд пишет одному из своих корреспондентов: «…он [Шкловский] хочет иметь право на эту бесшабашность, как Мандельштам хочет иметь право на кражу. И из-за этого эти не плохие ведь и ценные люди стали мне врагами. Очень грустно»[62]. Таким образом, прежнее эстетическое расхождение Горнфельда – «традиционно мыслящего, позитивистски настроенного интеллигента, которому „совершенно чужда“ вся культура модернизма»[63] – и с Мандельштамом, и со Шкловским осложняется столь же глубоким расхождением этическим, напрямую связанным с непроговариваемым вслух по цензурным условиям отношением к советской власти. Как, по точному замечанию Б. М. Гаспарова, в вопросах поэтики Горнфельд «не делает никакого различия между старшими и младшими символистами, между футуристами и акмеистами: для него все они – представители „декадентской“ глоссолалии»[64], так и в вопросах этики (свя-

---

[56] См., например, предисловие П. М. Нерлера к собранной им ценной подборке документов «дела об Уленшпигеле» (Знамя. 2014. № 2. С. 126–141).

[57] Цит. по: *Нерлер П.* Битва под Уленшпигелем // Знамя. 2014. № 2. С. 146.

[58] Там же. С. 153.

[59] Там же. С. 152.

[60] Из письма И. Г. Лежнева Горнфельду, 14 декабря 1922 года; цит. по: *Морев Г. А.* К истории независимой печати 1920-х годов // Тыняновский сборник: Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 514.

[61] В 1923 году, после публикации в журнале «Россия», чьим обозревателем Горнфельд являлся, статьи В. Г. Тана, содержавшей оскорбительные выпады против деятелей белой эмиграции, Горнфельд прекратил сотрудничество с журналом (см.: Там же. С. 513). В 1926 году советский журналист иронически именовал Горнфельда «потерявшим корень в слове ЦИК» (имея в виду анализ Горнфельдом этой аббревиатуры в книге «Новые словечки и старые слова» [Пг., 1922. С. 15]: Жизнь искусства. 1926. 1 июня. № 22. С. 11). В целом трудно согласиться с замечанием Е. А. Тоддеса о том, что Горнфельд «по видимости, легко вошел в „новый мир“ и получил его признание» (*Тоддес Е. А.* Мандельштам и опоязовская филология // *Тоддес*. С. 412).

[62] Из письма А. Б. Дерману, 4 февраля 1929 года (Знамя. 2014. № 2. С. 153). Об имевшей место в 1922–1924 годах печатной полемике Горнфельда и Шкловского см. комментарии А. Ю. Галушкина в изд.: *Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи. Воспоминания. Эссе (1914–1933) / Сост. А. Ю. Галушкина, А. П. Чудакова. М., 1990. С. 526.

[63] *Гаспаров Б. М.* Указ. соч. С. 114.

[64] Там же.

занной с политикой) Горнфельд не отличает Мандельштама от, скажем, Маяковского[65] – для него все они адепты нового пореволюционного литературного устройства, противопоставившие себя традиционным моральным устоям русской литературы, хранителем которых он себя ощущает. В установках, с которыми Горнфельд подходит к «делу о переводах», отчетливо читается стремление вернуться к органичной для дореволюционной либеральной общественности и, наоборот, экзотической для советской действительности конца 1920-х годов практике «публичных жестов». Так, демонстративно отказываясь – несмотря на скромное материальное положение и инвалидность – от получения денежной компенсации за несанкционированное использование его перевода, Горнфельд предлагает перевести эти деньги в Литературный фонд[66] – восстановленную в 1927 году организацию писательской взаимопомощи, наследующую (по мере предоставлявшейся большевиками возможности) закрытому в 1918 году прежнему Литературному фонду – Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым, с которым Горнфельд в свое время сотрудничал.

Именно эту «старорежимность» Горнфельда в полемических целях педалирует Мандельштам в своем ответе ему, опубликованном 12 декабря 1928 года в «Вечерней Москве». Он подчеркивает чуждость Горнфельду советского «производственного языка», к которому сам демонстративно прибегает в «Письме в редакцию», противопоставляет себя типу традиционного переводчика (книжника-фарисея), олицетворяемому Горнфельдом, как работника, призванного решать актуальную «культурную задачу» по «перевоплощению» для «молодежи» старых «культурных ценностей», именует Горнфельда «почтенным критиком-рецензентом» (то есть еще раз подчеркивает его дореволюционный стаж) и, наконец, прямо квалифицирует критическое выступление Горнфельда как «черный „литературный скандал“ в духе мелкотравчатых „понедельничных“ газет доброго старого времени».

С этим же противопоставлением по линии принадлежности к «старой» и «новой» литературе связан центральный тезис мандельштамовского ответа – об «извращении всего моего писательского облика» и «пренебрежении» к двадцатилетнему «самостоятельному труду» поэта.

Еще до того, как скандал с переводом «Уленшпигеля» перекочевал в печать, на стадии кулуарных переговоров Мандельштама с Горнфельдом, последний сообщал об их ходе своему конфиденту А. Б. Дерману, передавая суть объяснений Мандельштама: «„А во всем виноват Горн⟨фельд⟩. Да, – он принадлежит к «старым», которые меня не признали. Если бы своевременно он понял и выяснил, кто такой Мандельштам, мне не пришлось бы прибегать для пропитания к таким способам“»[67]. Это важнейшее – пусть и в передаче оппонента – свидетельство указывает на тесную связь в сознании Мандельштама, с одной стороны, того способа «быть писателем», который он вынужденно выбрал в 1920-е годы, и, с другой, неудовлетворенности своим социальным и литературным статусом в целом. Высокая самооценка поэта, которую он не считал нужным скрывать (отчасти в полемических целях)[68], не находила понимания у большинства современников, особенно «старших»: «…в Лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности», – иронически сообщал, например, Иванов-Разумник Андрею Белому в ноябре 1926 года[69]. Сво-

[65] Узнав о выступлении Маяковского против Мандельштама на Конфликтной комиссии Федерации писателей, Горнфельд пишет Р. М. Шейниной 27 мая 1929 года: «Из членов Комиссии особенно ругал Мандельштама Маяковский – едва ли по принципиальным, верно по личным мотивам» (Знамя. 2014. № 3. С. 144).

[66] В письме правлению ВСП, 10 января 1929 года (Там же. № 2. С. 152).

[67] Из письма Горнфельда Дерману от 20 октября 1928 года (Там же. С. 142).

[68] С. Б. Рудаков позднее (в связи с одним из эпизодов «саморекламы» Мандельштама в Воронеже) охарактеризовал этот комплекс как «манию величия, как следствие жизненной загнанности при фактически первоклассных литературных данных» (*Рудаков*. С. 100).

[69] Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада, подгот. текста Т. В. Лавровой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 410.

его рода кульминацией в биографии Мандельштама этой темы «недооценки» современниками весной 1934 года станет прямо высказанное ему суждение В. Д. Бонч-Бруевича, принадлежавшего к одной с Горнфельдом и Ивановым-Разумником культурной генерации: «Я сказал Вам, что оцениваю Вас совсем не тем масштабом, который Вы к себе прилагаете. Это мое право как Вашего усердного читателя, и думаю, что с этой моей оценкой согласны большинство Ваших читателей, что мне неоднократно приходилось выяснить в беседе с Вашими читателями и с товарищами по экспертной комиссии [Литературного музея]. Конечно, Вы можете не соглашаться с моей оценкой Вас, но думаю, что переоценка себя свойственна многим писателям нашего времени, и в частности поэтам. Мы все Вас любим и уважаем, но никак не можем ставить Вас на одну доску с классиками нашей поэзии» (III: 827)[70]. Актуальность и чрезвычайная болезненность для поэта обеих этих тем (писательской самореализации и недооценки) определили эмоциональность (и, следовательно, уязвимость) его реакции на критику Горнфельда и – забегая вперед – на последующие за этим и связанные с «делом об Уленшпигеле» события.

Несмотря на двадцатилетнюю работу в русской литературе и заявленную ею высокую, по слову Мандельштама, «жизненную задачу», к концу 1920-х годов его положение в литературном поле оценивалось современниками как положение «неудачника». Как «большой неудачник» охарактеризован Мандельштам в прижизненных воспоминаниях о нем О. А. Ваксель (1932)[71]. Эта квалификация, с 1910-х годов идущая рука об руку со снисходительно-ироническим отношением к личным качествам поэта даже в дружеском кругу[72], самим Мандельштамом не в последнюю очередь связывалась с тем, что его критически недооценивали представители предшествующих литературных поколений – такие, как критик Горнфельд или символисты. В 1935 году, в беседе с С. Б. Рудаковым, Мандельштам признавался: «…я Кюхельбекер – комичная сейчас, а может быть, и всегда фигура… Оценку выковывали символисты и формалисты. Моя цена в полушку и у тех, и у других»[73]. «Непризнание» дореволюционным литературно-критическим истеблишментом (к которому принадлежал, в частности, Горнфельд) определило, по мысли Мандельштама, его недостаточно высокий для возможности существовать, не прибегая к литературной поденщине, статус. Это, в свою очередь, поставило его в унизительную для поэта зависимость от литературно-издательской бюрократии.

---

[70] Инцидент был связан с буквальной (денежной) недооценкой, по мнению Мандельштама, его архива при рассмотрении на предмет покупки Государственным литературным музеем. Заметим, что синхронные закупки бумаг из личных архивов Андрея Белого (см.: *[Белый Андрей]* Дневник. 1932-ой год // Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. М., 2016. С. 971, 975; коммент. М. Л. Спивак), М. А. Кузмина (см.: Дневник Михаила Кузмина: архивная предыстория / Сообщение С. В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морева. Л., 1990. С. 139–145) и А. А. Ахматовой (см.: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 276) не вызвали никаких взаимонепониманий между ними и Бонч-Бруевичем.

[71] *Ваксель О.* Воспоминания / Подгот. текста И. Ивановой, Е. Чуриловой // «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»: Воспоминания и стихи Ольги Ваксель / Сост. А. С. Ласкина. М., 2012. С. 129.

[72] См., например: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика, А. Г. Меца, под общей ред. Р. Д. Тименчика. Stanford, 1997 (Stanford Slavic Studies. Vol. 12); *Тименчик Р. Д.* Заметки комментатора. 7: К иконографии Осипа Мандельштама // Литературный факт. 2018. № 10. С. 368–384.

[73] *Рудаков.* С. 63; историко-литературные коррективы Е. А. Тоддеса к этому высказыванию Мандельштама (относительно символистов и формалистов) см.: Там же. С. 20. Особо оскорбительным было для Мандельштама соединение недооценки его как поэта с персональными претензиями внелитературного характера или намеками на них – сохранились свидетельства его чрезвычайно резкой реакции на подобные случаи: см. его письма к М. А. Волошину от 15 июля 1920 года и к С. З. Федорченко от 9 июля 1924 года (III: 376, 390); ср. запись П. Н. Лукницкого от 12 мая 1926 года (*Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. М.; Paris, 1997. Т. II: 1926–1927. С. 152). Текст Горнфельда, использовавшего метафору «краденого пальто» (замененного в ответе Мандельштама на «шубу», отсылающую к «семейности» литературы из «Шума времени», в пренебрежении которой Мандельштам и упрекает Горнфельда), несомненно, вставал для поэта в этот же болезненно-чувствительный ряд.

Именно она, воспользовавшись выступлением Горнфельда, нанесла Мандельштаму удар, который он «не мог назвать иначе как катастрофой» (письмо в Федерацию объединений советских писателей, февраль – март 1929 года: III: 475). Этот удар разрушал вынужденную, но дававшую постоянный заработок литературную нишу, в которой Мандельштам существовал в 1920-х годах.

5

Весной 1929 года в Москве, «в комнате, снимаемой где-то в районе Белорусского вокзала», Мандельштам диктует Э. Г. Герштейн статью, при публикации озаглавленную «Потоки халтуры». «Эта статья (напечатанная в „Известиях“ 7 апреля 1929 г.) была одним из звеньев в борьбе Мандельштама с Горнфельдом, разросшейся до крупного литературного скандала», – вспоминала Герштейн[74]. С этим утверждением трудно согласиться.

Выступление Мандельштама в «Известиях» было спровоцировано не Горнфельдом, выяснение отношений с ним поэт завершил для себя публикацией письма в «Вечерней Москве». Гораздо более серьезная опасность исходила не от одного из реликтов старой литературы, а от влиятельного издательского чиновника – И. И. Ионова, руководителя издательства «Земля и фабрика» («ЗиФ»), кормившего Мандельштама-переводчика на протяжении 1920-х годов.

В сентябре 1928 года председатель правления «ЗиФ» В. И. Нарбут, товарищ Мандельштама по Цеху поэтов в 1911–1914 годах, управлявший издательством с 1925 года, находился в командировке на Кёльнской книжной выставке. 15 сентября из ОГПУ в ЦКК ВКП(б) поступил компрометирующий Нарбута материал – обнаруженная копия его допроса белой контрразведкой в Ростове-на-Дону в 1919 году, не оставлявшая сомнений в его антибольшевистских настроениях в тот период. 21 сентября, через день после возвращения из Германии, Нарбут был снят с работы и исключен из партии[75].

Новый председатель правления издательства – И. И. Ионов – работал в Петрограде в Госиздате в начале и середине 1920-х и был памятен многим из литераторов и издателей. По словам современного исследователя, «его истерический характер вошел в легенду»[76]. Однако, по свидетельству А. Г. Горнфельда, Ионов «всегда относился [к нему] хорошо»[77]. Прибыв для приема дел в Ленинград, Ионов расторг все договоры с Лившицем и Мандельштамом.

По сути, это означало выдачу Мандельштаму и Лившицу «волчьего билета», как сформулировал сам поэт в письме в Федерацию объединений советских писателей (ФОСП) в феврале – марте 1929 года. «После его [Ионова] декларации мне и Лившицу остается стать в очередь на Биржу Труда», – писал Мандельштам (III: 475). Призрак той самой депрофессионализации, о которой говорил Андрей Белый на рубеже 1920-х, которую так скандально реализовал Тиняков в 1926-м и которая к концу 1920-х являлась предметом тематизации в литературных кругах[78],

---

[74] *Герштейн.* С. 17.

[75] См.: *Киянская О. И., Фельдман Д. М.* Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов. М., 2018. С. 72, 92, 100.

[76] *Сажин В.* Неистовый книгоиздатель // Распятые: Писатели – жертвы политических репрессий / Сост. З. Дичаров. СПб., 2000. Вып. 5. С. 106. Любопытное свидетельство повадок Ионова см., например, в письме С. М. Алянского Д. Е. Максимову (1970): «Я очень хорошо помню… мой визит к Ионову, который чуть не кончился для меня трагически. Прочтя письмо Блока, Ионов сначала спокойно, а потом распаляясь все больше и больше, начал уже кричать на меня, что я восстанавливаю Блока против Госиздательства и его, что он сейчас арестует меня и, наконец, выхватив пистолет, закричал, что застрелит меня сейчас же, на месте. От неожиданности, должно быть, я не успел испугаться Ионова, а очень рассердился, схватил огромную, хрустальную чернильницу с его стола и с силой бросил ее на большое стекло, лежавшее на его столе. Грохот и осколки стекла с брызгами чернил и мой неистовый крик [о том, что он сошел с ума] сразу отрезвили Ионова. Он выронил пистолет и, как мешок с картофелем, рухнул на свое кресло и, с изумлением вытаращив на меня глаза, спросил: „Что вы разволновались?“» (*Федотова С. В.* «Мошенником меня еще никто не считал…»: письма С. М. Алянского к Л. Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 123).

[77] Из письма Горнфельда А. Б. Дерману 20 января 1929 года (Знамя. 2014. № 2. С. 153).

[78] Ср., например, в письме М. М. Зощенко М. Л. Слонимскому от 12 сентября 1929 года в связи с нападками критики: «Если на меня будут слишком орать – сложу оружие. Напишу в газету письмо, что временно оставляю литературные занятия. ⟨…⟩ Наплюю на все. Но в случае чего кину литературу или, например, встану рядом с Тиняковым» (*Вахитова Т. М.* «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Русская литература. 1998. № 4. С. 168–169). Тема и образ «нищего» с конца 1920-х стали обсессией для Ю. К. Олеши, который, несомненно, помня о судьбе Тинякова, прямо апеллировал к фигуре

стал для Мандельштама реальностью. И хотя усталость от переводческой лямки, фрустрация из-за ощущения своей недооцененности как поэта (наряду с поэтическим молчанием с 1926 года) и ранее приводили Мандельштама к мысли о том, чтобы «иметь другую, не литературную специальность»[79], действия Ионова были восприняты им как оскорбительное «самодурство»[80], которое нуждалось в решительном отпоре. К тому же пауза в гонорарных отчислениях грозила материальной катастрофой[81]. Ответом Мандельштама Ионову стали «Потоки халтуры».

Парадоксальным образом публикация этого газетного текста, вызванная для поэта необходимостью защитить свою профессиональную нишу и отстоять право на литературный заработок, оказалась наивысшей точкой социального признания Мандельштама при его жизни. На рубеже 1930-х выход публицистического «подвала» (с анонсом на первой полосе) во второй по значению в СССР газете, редко обращавшейся в эти годы к литературной проблематике, был беспрецедентным случаем для писателя «с ярлыком правого попутчика» (по слову Н. Я. Мандельштам из письма Молотову). Достаточно сказать, что несколькими номерами ранее аналогичные место и объем были отданы в «Известиях» очерку Максима Горького «По Союзу Советов» (Известия. 1929. 4 апреля. С. 2). Это был серьезный удар – статью прочитали «все» (в том числе и помянутый Горький)[82].

Путь, которым текст Мандельштама шел в «Известия», документально не установлен. После смерти осенью 1928 года И. И. Скворцова-Степанова исполняющим обязанности главного редактора газеты был И. М. Гронский. По его позднейшим воспоминаниям, он встречался с Мандельштамом «не часто»[83], однако он называл его среди тех, кто «мог заглянуть в кабинет редактора „Известий“ в любую минуту»[84]. Можно думать, что Мандельштам адресовался со статьей напрямую к Гронскому, но скорее надо предполагать участие неизвестных нам посредников – самой очевидной кандидатурой является сохранивший с Мандельштамом с 1910-х годов дружеские отношения С. М. Городецкий, заведовавший в «Известиях» литературным отделом[85]. В любом случае, как следует из письма Мандельштама отцу от середины февраля 1929 года, задумав статью, он был «глубоко спокоен, уверен в себе как никогда»: «Мне обеспечена поддержка лучшей части советской литературы и печати. Я это знаю. Я первый поднимаю вопрос о безобразиях в переводном деле – вопрос громадной общественной важности, – и поверь, я хорошо вооружен» (III: 474).

Вопреки утверждениям о том, что защита Мандельштама сопровождалась подчеркиванием им «своего отщепенства, своей несовместимости с большинством окружающих людей»[86],

---

нищего с «кличкой „писатель“» в своей речи на первом съезде писателей (этот актуальный социополитический подтекст не учитывается современными исследователями Олеши; см., например: *Жиличева Г. А.* Фигура нищего в нарративах Ю. Олеши // Новый филологический вестник. 2010. № 4 (15). С. 121–130).

[79] Запись в дневнике П. Н. Лукницкого от 17 августа 1928 года о разговоре с Мандельштамом: *Лукницкий П. Н.* Дневник 1928 года: Acumiana. 1928–1929 / Публ. и коммент. Т. М. Двинятиной // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 435. Ср. ироническое отражение этих же настроений в письме Д. С. Усова Е. Я. Архиппову от 19 июня 1926 года: «В Петербурге видел еще… О. Мандельштама (который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек)» (*Усов Д.* «Мы сведены почти на нет…» / Сост., вступ. статья, подгот. текста, коммент. Т. Ф. Нешумовой. М., 2011. Т. 2: Письма. С. 390–391).

[80] «Самодуром» Ионов назван в письме Мандельштама отцу от середины февраля 1929 года (III: 473).

[81] «Мы сидим без гроша», – писал Мандельштам М. А. Зенкевичу в начале января 1929 года (III: 466).

[82] См. его письмо А. Б. Халатову от 27 апреля 1929 года: Знамя. 2014. № 2. С. 162.

[83] Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. О. С. Фигурновой, М. В. Фигурновой. М., 2002. С. 192.

[84] *Гронский И. М.* Из прошлого… Воспоминания / Сост. С. И. Гронская. М., 1991. С. 160.

[85] Мандельштам публиковался в литературном отделе «Известий» в сентябре 1922 года (стихотворение «Как растет хлебов опара…»). На протекцию Мандельштама ссылается в письме Городецкому от 18 июля 1922 года Г. А. Шенгели (см.: *Енишерлов В.* «Акмеистов было шесть…» // Наше наследие. 2016. № 117. С. 80–90). Известно, что позднее, 30 мая 1932 года, Городецкий рекомендовал Гронскому стихи Мандельштама для «Нового мира» (*Мец А. Г., Видгоф Л. М., Лубянникова Е. И., Субботин С. И.* Дополнения к Летописи жизни и творчества О. Э. Мандельштама // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 359).

[86] *Лекманов О.* Осип Мандельштам. М., 2004. С. 123.

мы видим, что поэт, наоборот, решительно утверждает свою принадлежность к советской общественности и право говорить от ее лица. Это в полной мере проявилось и на стилистическом уровне «Потоков халтуры», апеллирующих к понятиям актуального политического дискурса – «чистке», «ревизии», «ломке» и «идеологической выверенности», проникнутых пафосом огосударствления переводческого дела в противовес «предприимчивым кустарям» (то есть частным издателям, и так стремительно уничтожаемым в процессе свертывания нэпа)[87].

Идентифицируя себя с «горсточкой мастеров и специалистов, сумевших удержаться на этом [переводческом] злосчастном фронте», Мандельштам обрушивается фактически на всю советскую издательскую практику (ГИЗ, «ЗиФ» и «Молодая гвардия»), требуя «коренной перестройки этого дела». Одновременно в статье реабилитируется практика «обработки» переводов, в которой упрекал Мандельштама Горнфельд, и дается высокая оценка опыту идеологического «внутреннего рецензирования», которым сам Мандельштам был занят во второй половине 1920-х (см.: III: 646)[88].

В целом статья Мандельштама представляет собой заявку на создание бюджетируемой государством институции, призванной в противовес нынешней бездумно «рыночной» стратегии выпуска переводов выработать новую – с повышением качества продукции и одновременно ее идеологической выдержанности. Участие «мастеров переводов» (к которым Мандельштам относит себя) в достойно оплачиваемой работе такой институции подразумевалось. Таким образом, потеряв в результате действий Ионова прежнюю, ущербную, литературно-бытовую нишу, Мандельштам решает, подняв действительно актуальную проблему качества переводов, обустроить новую, во всех отношениях достойную своей квалификации.

Разумеется, столь резкий выпад, затрагивающий не столько идеологические, сколько *материальные* интересы крупнейших советских издательств, не мог не встретить столь же решительного противодействия с их стороны. Его первым осторожным свидетельством стало опубликованное в «Известиях» 19 апреля письмо заведующего литературно-художественным отделом Госиздата Г. Б. Сандомирского, отводящее критику Мандельштама от планируемого Собрания сочинений Гёте. Однако организатором и центром кампании против Мандельштама становится «Литературная газета».

На той же полосе «Известий» от 7 апреля 1929 года, где была опубликована статья Мандельштама, вышла заметка под заголовком «Литературная газета», подписанная С. Канатчиковым. В ней извещалось о начале выпуска «с конца апреля» еженедельной газеты ФОСП. Решение об издании «Литературной газеты» было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 26 июля 1928 года[89]; 2 ноября ее главным редактором был утвержден подписавший заметку в «Известиях» старый большевик, бывший заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), представитель РАППа в

---

[87] Об органичности этих настроений для Мандельштама свидетельствует характерная реплика поэта, сказанная через полгода молодому журналисту, принесшему в редакцию очерк: «Что это такое?! Опять о кустарях 〈…〉?! Поймите же: вся страна живет магнитостроями, строительством гигантов» (*Глухов-Щуринский А. И.* О. Э. Мандельштам и молодежь // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 25–26). Этот неприкрыто «классовый» подход в статье Мандельштама встретил непонимание и осуждение Пастернака в письме к Цветаевой от 30 мая 1929 года: «Он напечатал в „Известиях“ фельетон… показавшийся мне глубоко антипатичным. Он там назвал изъяном дела то, что переводы поручаются (как бы сказать покороче) тем, кому бы я их только и поручал, т. е. людям нуждающимся, знающим языки, а не литераторам-специалистам» (*Пастернак Б.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М., 2005. Т. VIII: Письма 1927–1934 / Сост. Е. В. Пастернак, М. А. Рашковской. С. 329–330). В статье Мандельштама уничижительно упоминались «деклассированные безработные интеллигенты, знающие иностранные языки». Ср. замечание Г. М. Фрейдина: «[В своей статье] Мандельштам использовал многое из арсенала современной ему людоедской риторики» (*Freidin G.* A Coat of Many Colors: Osip Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation. Berkeley; Los Angeles; London, 1987. P. 223).

[88] Ср. также упоминание о «цензурующем там [в Ленгосиздате] французские книги» Мандельштаме в письме В. Л. Войтинской к Н. С. Войтинской от лета 1925 года: *Летопись*. С. 287.

[89] Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 84.

ФОСП и редактор «Красной нови» С. И. Канатчиков[90]. Именно он и стал инициатором выступления газеты против Мандельштама. В качестве автора антимандельштамовского материала был привлечен опытный журналист, начинавший еще в дореволюционной печати, с февраля 1928 года сотрудник более ортодоксальной, нежели «Известия», «Правды» Д. И. Заславский[91].

Поднимая вопрос о качестве перевода в самой общей плоскости и отстаивая практику «обработки» перевода, Мандельштам, судя по всему, надеялся, что это позволит вывести за скобки дискуссии инцидент с «Тилем Уленшпигелем». Очевидная неосновательность этих надежд отсылает нас к истории с публикацией 3 июля 1926 года в «Красной газете» первой статьи Мандельштама о проблемах перевода – «Жак родился и умер», основной пафос которой совпадает с пафосом «Потоков халтуры» (за исключением практических предложений и выводов)[92]. П. Н. Лукницкий засвидетельствовал реакцию прочитавшей статью Ахматовой: «АА говорит, что не может понять в Осипе одной характерной черты: статья по благородству превосходна. Но в ней Осип Мандельштам восстает, прежде всего, на самого же себя, на то, что он сам делал и больше всех. ⟨…⟩ Трудно будет его биографу разобраться во всем этом, если он не будет знать этого его свойства – с чистейшим благородством восставать на то, чем он сам занимался или что было его идеей»[93]. Проницательно указанной Ахматовой особенностью Мандельштама Заславский и воспользовался.

[90] *Огрызко В.* «Я бы выдвинул на место Ленина Канатчикова…»: Жизнь и судьба первого главреда советской «ЛГ» // Литературная газета. 2019. 4 сентября. С. 18. Сообщение о том, что Канатчиков «занимал ранее пост заведующего Литературно-художественным отделом ГИЗ'а» (*Мусатов В.* Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 306), ошибочно.

[91] Уже в 1930 году он был назван Троцким «столпом сталинизма» (Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. № 11. Май. С. 40).

[92] В июне 1927 года статья Мандельштама была – без ссылок на первопубликацию – перепечатана в московском журнале «Журналист» (№ 6. С. 30–31), к которому были близки В. И. Нарбут и М. Б. Вольфсон, в рамках критического блока «О переводной литературе», пафос которого выражен в заголовке (соседней с мандельштамовской) заметки В. Берлинера – «Пора покончить с халтурой!» (Там же. С. 31).

[93] *Лукницкий П. Н.* Acumiana. Т. II. С. 209 (запись от 8 июля 1926 года).

6

Через месяц после появления «Потоков халтуры», 7 мая 1929 года, на первой полосе только что начавшей выходить «Литературной газеты» была опубликована статья Заславского «О скромном плагиате и развязной халтуре». Эффектно скроенный фельетонный текст, используя доводы статьи Горнфельда в «Красной газете», фактически переадресовывал Мандельштаму все те обвинения, которые сам поэт обращал к советским издательствам. Публикация Заславского умело (и предсказуемо) переводила вопрос из общей плоскости положения переводческого процесса в СССР к крайне невыгодному для Мандельштама обсуждению конкретно его случая. Из сильной, подкрепленной статусом «Известий» позиции он оказался в заведомо невыигрышном положении защищающегося. Все попытки поэта воспрепятствовать «инсценировке „дела Мандельштама“» (запись Мандельштама в альбоме А. Е. Крученых: III: 803) успеха не принесли, а мобилизация в его защиту дружественных писательских имен только усилила скандал, подключив к нему, судя по всему[94], уже не только литературные, но и партийные органы. Печатная, судебная и кулуарная тяжба Мандельштама с Заславским, «Литературной газетой», «ЗиФ» и ФОСП длилась без малого год. В поисках союзников в борьбе с Канатчиковым и его влиянием в ФОСП Мандельштам идет на неожиданный, казалось бы, ситуативный альянс с самой ортодоксальной частью советского литературного спектра – Российской ассоциацией пролетарских писателей (РАПП).

На присутствие фамилии главы РАППа Леопольда Авербаха среди подписавших письмо в защиту Мандельштама, опубликованное в «Литературной газете» 13 мая 1929 года, обратил внимание в своей книге о Мандельштаме Г. М. Фрейдин[95]. Однако его интерпретация этого факта как части «борьбы за руководство в сфере идеологии и культуры» грешит генерализацией (а установление связи «скорого падения Авербаха» с защитой им Мандельштама безосновательно). Обращение за помощью к находящемуся в зените своего могущества Авербаху (в февральском письме 1930 года в ЦКК ВКП(б), имевшем для поэта самые существенные последствия, Мандельштам упоминает о «моих с ним переговорах в апреле 1929 г.» [III: 596]) находит свое объяснение в конкретных событиях тогдашней литературно-политической жизни.

В конце октября 1928 года между Канатчиковым, представлявшим РАПП в ФОСП, и Авербахом произошел серьезный идеологический и личный конфликт, кончившийся заменой Канатчикова в ФОСП другим рапповцем[96]. Именно после удаления из РАППа дружественные Канатчикову функционеры из агитпропа ЦК выдвинули его на должность главного редактора «Литгазеты»[97]. Поняв, что в истории вокруг «дела о переводах» Мандельштам выступает противником Канатчикова (а заодно и Ионова, которого рапповская критика именовала вкупе с Троцким «капитулянтом»)[98], Авербах становится на его сторону.

В этот период РАПП претендует на то, чтобы стать объединяющей всех советских писателей институцией[99]

---

[94] См. письмо Д. И. Заславского А. Г. Горнфельду от 27 мая 1929 года (Знамя. 2014. № 3. С. 143).

[95] *Freidin G.* Op. cit. P. 280.

[96] См.: *Шешуков С. И.* Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. [3-е изд.] М., 2013. С. 201–202; *Огрызко В.* Указ. соч. С. 18.

[97] *Огрызко В.* Указ. соч. С. 18.

[98] *Ермилов В., Селивановский А., Сутырин В., Фадеев А.* Открытое письмо РАПП «Комсомольской правде» // Комсомольская правда. 1929. 3 августа. С. 3. В 1925–1926 годах в Ленинграде Ионов поддерживал находившихся в оппозиции к Авербаху сотрудников закрытого журнала «На посту» (см.: *Корниенко Н. В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 335).

[99] См.: *Аймермахер К.* Советская литературная политика между 1917-м и 1932-м // В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917–1927 / Сост. К. Аймермахера. М., 1992. С. 51.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.